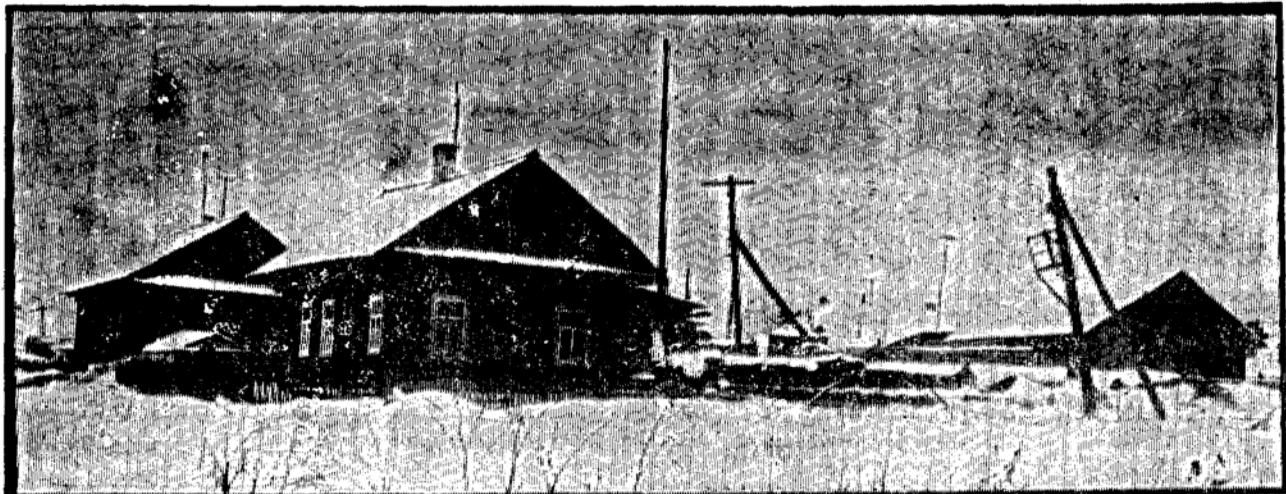


КАК ТУТ не посетовать на нашу горькую действительность, когда люди, уже не способные «выкальвать», видимо, для кого-то становятся экономически невыгодными. Если это не так, то почему сегодня Шадриха встречает таким унынием, ведь еще несколько лет, когда эти люди были в силе, встречала деревня улыбками и не имела обычая жаловаться. А магазинчик в Шадрихе славился хорошими тканями, обувью... С депутатом посовета Виктором Федоровичем Смоленцевым (в просторечии — крестным отцом деревни: восемь лет депутатом) мы приехали в Шадриху. По белоснежному полю протянулись упавшие столбы телефонной связи.

— Полтора месяца искал хозяев, не нашел, — рассказывает Виктор Федорович. — Ничьи столбы. Сам пробовал поднять — куда там! И ни одного телефона в деревне не действует. Заболел Матвей Степанович Морозов, ему уж 85 лет, врача не вызовешь. У Татьяны Шалыгиной семеро детей...

«Жигуленок» подскочил к магазину. Крошечное помещение заполнили старухи, старики, двадцать молодых. Защемило сердце от ставшего традиционным наряда российских деревень: телогрейка, претертая шаль, пимы.

— Где же взять лучшее? — переспросили женщины (да, да, какие же они — старухи в 60—65 лет! Жизнь их старит не по го-



побольше, ведь пить-есть, одеваться и в Шадрихе хотят.

Да, нелегко жить деревне. Встретили мы Кариму Юнусову. Запряглась, почти лошадкой, и везла в санях дрова. Почему не на тракторе? Вначале стеснялась, мол, привычная. Потом проговорилась: трактористу за перевоз бутылку надо ставить, а ей с чего — пенсия 70 рублей. Бабе Жене, как зовут ее все в Шадрихе, 92 года. Однажды, как с трактором связалась, пришлось на пятерку больше израсходоваться, чем вся ее пенсия. Вот и обратилась нынче в посовет: привезите дров... Одинока она, как перст, Евгения Николаевна Павлова. В войну эвакуировалась из Белоруссии, ни детей, ни внуков. Все привыкла сама делать. Носит воду на коромысле, а рядом верный друг собака.

КУДА ТЕЧЕШЬ, ЛИСТВЯНКА?

Новость деревню облетела с быстрой молнией: закрывают магазин, потому что невыгодный. Для районо. И хоть окончательного решения пока еще не принято, завздыхала Шадриха. Самые старые, кому живность держать не под силу, вырешили: помрем с голода. Молодые взяли крач: закроют магазин — не выйдем на ферму. На столе председателя исполнкома Новоуткинского поселкового Совета Г. Н. Ворошилова лежит документ, в котором председатель района Ю. М. Манягин просит согласия Совета закрыть магазин в Шадрихе как экономически невыгодный или взять его на дотацию Совета. Геннадию Николаевичу Ворошину осталось только возмутиться: «Это что же получается! Одной рукой мы голосуем за возрождение российской деревни, другой — губим ее. Нельзя ни в коем случае закрывать магазин, ведь там же люди, которые всю жизнь отработали в крестьянстве».

Виктор Смоленцев. К тому же свиноферма, более двухсот лошадей. Была начальная школа. Председательствовал отец Виктора Федоровича. Урожай получали до тридцати центнеров зерновых с гектара. «А сейчас в совхозе получают, бывает, по два центнера с гектара. И тогда не метали сикосьнажка. Вспоминаю случай. Работал на молотилке немолодой уже человек. Упал с подмостки, сломал руку. Перевязал, а он и говорит: «До вечера поработаю, а уж потом домой». Вот какие были люди! С такими любое хозяйство поднять можно. А думаете, сейчас мало? Заинтересовать их надо, чтобы возвращались в деревню. Я многих знаю, в городе живут — земляки. Их бы вернуть...

И в личное пользование

старания. Он, депутат, поставил себе цель на пять летку — весь частный сектор к воде и теплу подключить. Справился у специалистов, те уверили, мол, совхозная котельная спрямится. А это великое дело будет. Не придется старушкам в сани впрягаться, чтобы дров для печей привезти. Да и молодежь прочнее обносится. «У меня вот сын того гляди начнет строиться, зачем ему дом деревянный, построил бы сразу каменный», — делится Виктор Федорович.

— Виктор Федорович, хотели бы, чтобы сын вместе с вами, рядом жил и работал? — спрашивала.

— Конечно. У нас были многие не против. А как же иначе? Занемогут старики — кто хозяйствовать будет? У них же сейчас никак, а почти на каждом дворе корова, поросенок, куры и даже гуси.

...Когда-то его дед, по фамилии Суровцев, прочно стоял на ногах. Пашни восемь гектаров, четыре лошади, четвере коровы. Все это, да еще сбрую впридачу, телегу отвел, отнес и укатил первым в колхоз. Хать давно это было и мал был внук, да помнит крестьянская душа вкус своей земли. Возможно, государственные люди, решая судьбу Шадрихи, искренне желающие ей добра, прикинут со всех сторон пути выходы. Включить в агропромышленный комплекс города — хорошо, привлечь тех, кто пожелает взять землю в собственность, — отлично, оставить деревне



■ СТАРЫЕ, КОМУ ЖИВНОСТЬ НЕ ПОД СИЛУ, ВЫРЕШИЛИ: ПОМРЕМ С ГОЛОДУ. ■ ЦВЕЛО ЛЕТО, ЗЕЛЕНЫМИ ЛАДОШКАМИ РАСКИНУЛИСЬ ШАДРИХИНСКИЕ ВЫПАСЫ. ■ ТОЛЬКО НЕ ПРОЙТИ МИМО, ТОЛЬКО НЕ ЗАБЫТЬ...

дам). — Не до нарядов тут. Закроют магазин — хоть подыхай. Продавец-то наша, Евгения Александровна Клепалова, спасибо ей, и почту привезет, и лекарства, какие закажем, и пенсию доставит. Без нее так и не знаем как, совсем крылья опустим...

Седьмой год ездит в Шадриху Евгения Александровна. Живет в Утке. И хоть клиенты у нее — самый что ни на есть простой народ, наряжается для них, как для инженерной комиссии: белоснежный халат, ажурный колпачок, а, самое главное, улыбка, справедливость ее — просто праздник для стариков.

— Привыкла к ним. Жалко оставлять без магазина. И так товарами не балуют. С сентября часть талонов не отоварила. Ни колбасы, ни масла, ни сахара не получили. Раньше чулки, носки давали, шампуни даже, а теперь ничего. Как тут не будет магазин в убитке? Дали бы товаров

есть в Шадрихе и моло-ми раскинулись шадрихин-дые. Хотя, конечно, диву ские выпасы. Пастух Карим прицокивал: хорош корм! Нет уже в живых Карима, а выпасы остались. Остались богатые сенохосы и пашни.

— Будь моя воля, развивать бы в Шадрихе животноводство, картофель выращивать, — размышляет Г. Н. Ворошин. — Чтобы с Ачита это все не возить. Да вот беда, рабочих рук не хватает. С поселка люди ездят в Шадриху на работу. Чтоб хватало рабочих рук, надо в деревне условия для нормальной жизни создать. Кому это делать? Совхоз «Уткинский» неплательеспособный. Постсовет не богат. Никто не спешит поднимать Шадриху.

— Деревня — наша совместная с совхозом забота. Что делать? Взмахом руки не решишь, — говорит Г. Н. Ворошин. — Городской Совет в ноябре решение принял о создании агрокомитета, по-моему, совхоз

надо включить в этот агрокомитет, поднять его, чтобы люди в нем жить могли по-хорошему и город кормить.

На этом можно было бы поставить точку. Без всяких выводов. Да и выводов особых не виделось: лично я все равно не была спокойна за судьбу Шадрихи, потому что ясных перспектив пока не разглядела. Но вот закавыка. Перелистывая записную книжку, все время спотыкалась об одно название: Старая Трека. При чем тут Старая Трека? Ага, вспомнилось! Когда задала вопрос Виктору Федоровичу Смоленцеву: «Верите ли вы, что Шадриху можно возродить?» — он уверенно ответил: «Да». И привел в пример Старую Треку, где он родился и вырос. Колхоз там был, «Заветы Ильича» назывался. Сорок гектаров садили картошки, овчарки были, дойное стадо держали. По сорок фляг каждый день увозил на молокозавод

землю давать надо. Правда, совхозу это невыгодно, — продолжает В. Ф. Смоленцев. — Имеет он, допустим, сто гектаров. Получает с них по два центнера. Двухсот центнеров зерна ему хватает стадо прокормить. А как отдаст десять гектаров крестьянину? Урожай повышать придется, чтобы две стада центнеров-то получить... А мы в Треке все сорта сами испытывали, семена свои имели. Картошку лошадьми убрали. Земля-то у нас и была рентабельная. До 1961 года. Тогда колхоз ликвидирован.

Задумаемся над рассказом В. Ф. Смоленцева. В те годы эксперименты над крестьянством шли тоже под разговоры о лучшей доле да продуктом изобилия. Изобилие не наступило. А доля? Сами видели, какая. Трудно, но по Смоленцеву получается, что можно, нужно возродить деревню. Вложить в нее все

магазина — возможно, поднять столбы — хозяин, может, найдется. Только не пройти мимо Шадрихи и ей подобных, только не забыть о Л. В. Камарских, С. Ф. Кугатове, А. В. Халыбовой, Т. В. Шалыгиной, Махрузе Оглоблиной, М. Ганиятовой, бабе Жене и обо всех, кто махал нам вслед с последней надеждой: «Дай вам Бог отстоять магазин».

Т. ВАЖЕНИНА.
На снимках:

1. Уныло встречает Шадриха.

2. Татьяна Шалыгина предполагает крестьянский труд.

3. Место встречи изменилось нельзя.

4. «Своя ноша не тянет» — так считает баба Женя.

Фото В. ЗОТОВА.